

М. М. ГУРЕВИЧ

ИЗ НЕСОБРАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ А. П. СУМАРОКОВА

В одном конволюте (где собраны произведения А. Сумарокова, В. Майкова и других из бывшей коллекции П. Н. Лихачева), ныне хранящемся в Отделе Рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук, находится стихотворение под названием: «Идиллия, Силен» (инв. № 37214). Это произведение отсутствует в каких-либо справочниках литературы XVIII века.

Хотя оно и не имеет никаких выходных данных, но по оформлению и содержанию (упоминание о браке Павла Петровича — 29 сентября 1773 года) его безошибочно можно отнести к 1773 году, и напечатано оно в типографии Академии наук. Приводим его текст:

Идиллия, Силен

Вещателя судеб таинственных Силену,
Котораго сама природа изумленна,
И ясны пению внимали небеса;
Ключи стремиться с гор вниз с шумом перестали;
Умолкли злачные поля, луга, леса;
Долины в тишине глубокой пребывали.
Силену, будущих гадателя судеб,
Позволь в сей день воспеть, о Муз Российских Феб!
Когда всеобщее веселие раждает,
И счастье веков грядущих утверждает.
Ты внемлешь с кротостью гремящих звуку лир,
И плескам радостным, колеблющим ефирь:
Склони, склони твой слух к свирели тихогласной,
В усердной ревности поющей стих не красной.

Сердце невинных плод безхитростна любовь,
Что царствует в градах и посреде лугов,
Пленила Тирсиса в жестокую неволю,
Уже он чувствует мучительную долю.
И тает в прелестях возлюбленной своей;
Однак не смеет в том открыться перед ней.
То случаев к тому способных не находит,
То страх презрения и робость прочь отводит.
Он часто думает: Ах! сколь несчастен я!
Все в нежных сих местах пленяет взор ея,
Долины тихие устланные цветами,
Ручьи, приятной шум птиц в рощах меж древами;
Единой лишь она не чувствует любви,

Что разливается во всей моей крови.
 В день красный некогда цветки Дориса рвала,
 И пестрыя венки из оных завивала:
 Прельщенный Тирсис мнил, что страсть свою открыть
 И случай и любовь сама теперь велит,
 Когда от сестр и стад пастушка удаленна.
 Пойдем, сказал он ей, се здесь гора зелена,
 В прохладной от древес стоящая тени,
 Здесь можно будет нам от зноя уклониться,
 Я много тем счастлив, что мы теперь одни,
 И только лишь хотел в любви изъясниться;
 Внезапно с плеском глас веселый возгремел,
 Смущенный в робости любовник онемел.
 Он быстро очеса на гору устремляет,
 Чтоб видеть, кто его желанье прерывает.
 Между древами там ликующий Силен,
 Восторгом неким божественным пленен,
 Среди собора Нимф украшенных венками,
 Цветы на голове, цветы между руками
 Различные держа, песнь новую поет,
 Вы, Музы! оную, коль можно, изъясните,
 И мыслей высоте слова мои сравните.

Силен

России счастливой, покров, отрада, свет!
 Естли ты чистое веселие вкушала,
 Когда щедротами народ обогащала:
 То паче в красный сей возвеселися день.
 Се к счастью залог Россиян утвержен.
 Се вышний круг небес превыспренных склоняет
 И светлый взор низвед брак ПАВЛОВ утверждает.
 Вы звезды ясные среди несчетных звезд
 Красящие венцом пространство горних мест!
 Сойдите паки к нам, средь смертных возсияйте,
 И счастливой четы собою увенчайте;
 Достойные того достойны вас главы.
 Высоки души их светлее нежел вы.
 Катитесь путем, горящие светила;
 Которой вам от век природа положила;
 Россия вышнего рукой укреплена,
 Во славе будет вам подобна иль равна.
 Союзы да блюдут стихии несогласны,
 И вечный чин вещей и образ мира красный,
 Зиждатель во своих так утвердил судьбах,
 Как то, что род Петров и дом не раззорится,
 Но с славою себе в подверженных градах
 И ревностных сердцах на веки утвердится.
 Как рощи и поля, луга и дол цветут,
 И горы токи струй прохладных с шумом льют:
 Так в мире иль войне всегда в блаженстве новом
 Россия процветет под сильным их покровом.
 Всевышний токмо им подаждь счастливы дни!
 И с Россов ревностью их долготу сравни.
 Так кончил песнь Силен, Дриады подражали,

И с плеском глас его стократно повторяли.
 Тогда востав пастух к Дорисе рек своей:
 Сколь мне с тобою день благополучен сей!
 Что слышал я хвалы неместнаго Силена,
 К единой истине усердием вперенна.
 Дориса! новых здесь нарвав теперь цветов,
 Сплети венки сядя под тенью сих кустов,
 Я посох и свирель блющем украшу белым,
 Мы пойдем с сих лугов в венках к стадам веселым.

А. С.

Под текстом инициалы «А. С.» — обычная подпись Александра Петровича Сумарокова.

Как видно, стихотворение это было написано к бракосочетанию наследника престола, Павла Петровича. Наличие подписи — инициалов «А. С.», казалось бы, делает вопрос об авторе простым. Однако возникает ряд сомнений: стихи в целом написаны так, как и другие идиалли и эклоги Сумарокова, собранные им в книгу «Эклоги», сданную в печать 7 января 1774 года, но в названном сборнике этого стихотворения почему-то нет.

Хотя стихи в «Идиалли, Силен» гладкие, вполне «сумароковские», но есть в них ряд особенностей, отличающих их от обычных стихов этого поэта: таковы прежде всего рифмы «любовь» — «лугов», «рвала» — «завивала» (у Сумарокова всегда «рвала»), «день» — «утвержден», «открыть» — «велит»; в книге «Эклог» Сумарокова ни разу не встречаются рифмы вроде «Силена» — «изумленна», «Силена» — «вперенна». Далее, слово «блющ» (вместо «плющ») также не попадалось в произведениях Сумарокова. Правда, у нас, как известно, нет специального «словаря» языка Сумарокова, и поэтому может оказаться, что в произведениях каких-либо других жанров у него есть и «блющ», и не «сумароковские» рифмы.

Еще одна деталь данного стихотворения говорит против авторства Сумарокова: во всех его эклогах и элегиях, в трагедиях обязательно применяется парная рифма; в «Идиалли, Силен» четыре раза нарушается это правило сумароковской поэтической практики.

Если коротко обобщить сказанное, то можно заключить, что это либо не сумароковское произведение, либо сумароковский необработанный черновик, либо, наконец, чужое произведение, не до конца отредактированное Сумароковым.

Удивительно еще и то, что в книге В. П. Семенникова «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (Пг., 1915), где приведены, на основании данных Архива Академии наук, подробные сведения о всех заказах А. П. Сумарокова академической типографии за 1773—1774 годы (стр. 114—118), заказа на печатание «Идиалли, Силен» нет. Впрочем, из «Материалов» Семенникова видно, что Сумароков написал два произведения на обручение Павла Петровича и ни одного — на его бракосочетание, а не откликнуться на такое событие Сумароков не мог. Перепечатанная в приложении к книге Семенникова ода Сумарокова на обручение Павла (она не вошла в «Полное собрание всех сочинений» поэта) отличается тем, что в первой строфе ее, вместо канонических десяти стихов, только девять,¹ т. е. и здесь налицо отступление от обычной практики Сумарокова.

Ко всем изложенным недоумениям, вызываемым «Идиаллией, Силен», присоединяется еще следующее: Д. Д. Шамрай обнаружил в Архиве Академии

¹ Может быть, здесь имеет место пропуск по вине издателя, В. П. Семенникова.

наук документ от 21 октября 1773 года (Д. № 544), свидетельствующий о том, что архиепископ Тверской и Кашинский Платон внес в Академию наук 1 р. 63 коп. за напечатание ему стихов «Идиллия, Силен» в количестве ста экземпляров. Д. Д. Шамрай полагает, что этим самым исключается авторство Сумарокова. Однако, как нам кажется, оплата арх. Платоном печатания стихов еще не означает, что они не могли быть написаны Сумароковым. Известно, что поэт был близко знаком с рядом крупных представителей тогдашнего духовенства, в том числе и с арх. Платоном: в 1773 году (25 октября) Сумароков сдал в печать свои «Стихотворения духовные», которые посвящены «их преосвященствам святейшего правительствующего синода членам: Гавриилу, архиепископу Петербургскому, Иннокентию, архиепископу Псковскому, Платону, архиепископу Тверскому». В самом тексте посвящения Сумароков отмечает, что перечисленными «особами был не только знаем, но и любим». В «Предисловии», помещенном в «Дополнении к духовным стихотворениям» (1774), поэт пишет, что «сколько приятно» ему «с ними (лицами, которым посвящены «Стихотворения духовные», — М. Г.) видется и собеседовати, столько приятно и воспоминати имена их». «Я особы их, — продолжает Сумароков, — не по слуху и не по виду единому знаю; но имея с ними откровенное обхождение, знаю и качества их. . .».

Если принять во внимание, что Сумароков постоянно, а в особенности во время пребывания в Петербурге в 1773—1774 годы, очень нуждался, то нет ничего невозможного в том, что он упросил арх. Платона (или тот сам вызвался) уплатить типографские расходы по печатанию «Идиллии, Силен».

Таким образом, обнаруженный Д. Д. Шамраем архивный документ сам по себе еще не может служить достаточным основанием для отвода авторства Сумарокова. Каковы бы ни были «противопоказания» против признания поэта автором этого спорного произведения, основным доводом в пользу Сумарокова являются инициалы «А. С.», которыми тогда подписывался только он и никто больше (ср. Сопикова и Неустроева). Зная вспыльчивый характер Сумарокова, начальство академической типографии никогда не стало бы печатать произведения какого-либо постороннего лица с подписью «А. С.».

Следовательно, из всех перечисленных выше возможных предположений приходится остановиться на третьем: вероятно, Сумароков, по просьбе арх. Платона, отредактировал чужие стихи, но не особенно тщательно, и подписал их своими инициалами.
